

Сегодня, когда началась новая, посмертная жизнь произведений В. Г. Распутина, настало время осмысления заветов одного из последних великих русских классиков. Удивительно скромный, простой в общении и, несмотря на возраст, по-юношески застенчивый человек, он умел так воплощать в художественном слове собственные убеждения, что оказывал неизгладимое впечатление на читателя силой духа, широтой русской души, масштабностью обобщений и выводов. Он пробуждал стремление к новым осмыслениям, тягу к возвышенному, желание очиститься, отбросив все наносное, волю к преодолению преград и достижению новых вершин. Его скромность проявилась даже в завещании, в котором великий сын русского народа просил не называть его именем улиц, похоронить рядом с дочерью «под скромным памятником».

Хорошо известен тезис Ф. М. Достоевского: «Атеист не может быть русским, атеист тотчас же перестает быть русским», – даже шире, – «не православный не может быть русским»¹. Внешне в произведениях В. Г. Распутина немного зримых примет и упоминаний о православии и вере. Но весь строй речи, содержание произведений, этика положительных героев писателя лежит в пределах православного мирозерцания и отношения к миру и людям.

И те упоминания о вере, которые рассыпаны по его произведениям, выдают подлинно православного писателя. Его путь к вере отцов и дедов не был ни показушно-демонстративным, обусловленным перестроечной и постперестроечной модой, ни конъюнктурно-подобострастным, ставшим необходимым атрибутом нового времени, а для слабого литератора – способом стилизовать повествование «под народный сказ».

Уже в первой повести «Деньги для Марии», написанной еще в 1967 году, в период махрового атеизма, писатель, повествуя о встрече главного героя Кузьмы с больной старушкой, заметит: «Смерть всегда, каждую минуту стоит против человека, но перед теткой Натальей, *как перед святой* (здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, курсив мой. – Д. К.), она отошла чуть в сторонку, пустила на порог, который разделяет тот и этот свет»^{II}. В повести «Последний срок» (1970) старуха Анна, говоря о желании достойно умереть, говорит твердо и уверенно: «Мы ить крещеные, у нас Бог есть»^{III}.

А какой силой обладают статьи писателя! Например, проникновенное повествование о национальной святыне, где развернулось историческое сражение войска Дмитрия Донского с татарами («Поле Куликово»), или по-христиански глубокое, исполненное религиозного благоговения размыш-

ление о святом Сергии Радонежском («Ближний свет издалека»). Первое написано в 1979 – 1980 годах, задолго до перестройки, свободы слова и вероисповедания, второе – в 1990-м. В том-то и дело, что на пустом месте душа даже самого отзывчивого и чуткого писателя не вырастает до такого уровня обобщений.

В 1990 году писатель выразит свои убеждения в емких формулах. Размышляя над строками из «Откровения Иоанна Богослова», сделает замечание, что они «ближе всего подводят к разгадке святости как обитанию на таком уровне духовности и в таком общении, что они мало соотносятся с рядовой жизнью и требуют другого названия»^{IV}. Говоря о подвижничестве и духовном единении как живущих реальных людей, так и литературных героев, несущих эти убеждения, В. Г. Распутин заметит: «Это даже и не имена, а некое общее подвижническое служение, скрывающееся за именами, сцепление согласием и любовью ко всему светлому»^V. Размышления о православной вере, о национальных святынях, о великих христианских подвижниках заставляет Распутина определить по-своему, как он чувствовал, как понимал неизъяснимые проявления человеческой души: «Почему не назвать духопроводностью то качество души, которое дает ощущать Бога, связывает с Ним»^{VI}.

Неудивительно, что эти формулы, данные в статье о великом русском святом, начались со слов извинения и почтения: «Пытаться говорить о Сергии Радонежском – это, по ощущениям, сметь войти в область запретного, неизъяснимого по своей природе, не могущего быть изреченным»^{VII}.

Все эти работы, как публицистические, так и художественные, – видение православно-воцерковленного человека, того, кто с молоком матери в далекой сибирской деревне впитал язык и веру

народа. По признанию Распутина, «человеческая душа не может быть необитаемой, из чего-то исходящей из нее энергии браться нужно»^{VIII}. А наполнение души человеческой автор видит в знании и уважении жизни, быта истории, культуры и языка народа и в православной вере – все это с пронзительной силой воплощено в его художественных произведениях.

В «Прощании с Матерой» образ царского лиственя становится одним из внутренних стержней повествования, символом истории острова, хранителем его традиции. А описание прощания старухи Дарьи со своей избой, которую она украшает, словно покойника перед обрядом погребения, обладает не меньшей духовной силой, чем древнерусские летописи. Более того, от произведения к произведению мы все более зримо ощущаем отпадение человека от природной неискusstvenной жизни, которое приводит лишь к потере духовных связей, уничтожению исконного уклада.

Неудивительно, что В. Г. Распутин принадлежал к числу представителей так называемой «деревенской прозы». Удивительно точно о творчестве писателей этого направления сказал М. М. Дунаев: «Деревенщики были поставлены временем в жесткие условия: о Боге, о вере как основе бытия (а не просто упоминая) им говорить было непозволительно. Они сами себя обрекали на особо трудное положение, ибо, оглядываясь в поисках носителей совестливой нравственности, они не могли не соприкоснуться с понятием *народ* (выделено М. М. Дунаевым. – Д. К.), а как говорить о народе вне его веры?»^{IX}. Кроме того, деревенская проза явно противопоставила деревенских и городских жителей, выявляла страшные последствия отпада от земли и физического труда.

Рассматривая духовные истоки и следствия

российского кризиса XX века, академик И. Р. Шафаревич отмечал, что «частным случаем взаимоотношения между природным и искусственным был конфликт между городом и деревней. Эта цивилизация была основана на уничтожении крестьянской жизни, в каком-то смысле она была духовно с ней несовместима»^х. В русской литературе есть немало примеров такого конфликта. Более того, рискну предположить, что в тех произведениях, где такой конфликт автором верно уловлен и реализован, запечатлена в зримой форме попытка уничтожения духовных корней русского народа. Но для этого нужно, чтобы писатель сам был частью духовной жизни народа, соборно с ним слит. В противном случае мы получим лишь внешне выраженную словесную форму, не несущую никакой смысловой нагрузки. Распутин с народом и историей России был неотделим. Таким он останется и после смерти.

В повести «Пожар» переселенцы, оторванные от корней, теряют нравственный облик. Земля, которая была источником их духовной силы, перестает восприниматься как основа подлинной жизни. Об этом еще в XIX веке размышлял М. О. Меньшиков. Силу русского народа и русской государственности он видит в *национальности* (выделено М. О. Меньшиковым. — Д. К.). А она формировалась столетиями и составлялась такими слагаемыми как народное здоровье, физическая крепость. Ее истоки автор усматривает в политике закрепления крестьян за землей, а дворян за государем, что положило конец кочевой жизни беглых крестьян. Благодаря этому за несколько поколений воспитаны богатыри, способные при Петре I более 20 лет вести непрерывную победоносную войну, не теряя сил, не ломаясь духовно. Собранные «с миру по нитке» герои «Пожара» не в состоянии и нескольких лет прожить, сохраняя идеалы народной жизни.

Произведения Распутина словно опережают время. Как пророк, писатель не только фиксирует зримые черты предстоящего распада страны, но и показывает приметы нарастающего духовного оскудения русского человека конца XX столетия. Если в «Последнем сроке» на телеграмму о похоронах матери не отзывается далекая «городская» Таньчора, а в «Прощании с Матерой» сын за деньги сжигает собственную избу, едва не погубив родную мать, то в финале повести «Пожар» лишённые нравственных скреп архаровцы сознательно убивают дядю Мишу Хампо, спасающего государственное добро от разграбления. В одном из последних произведений «Дочь Ивана, мать Ивана» страшное преступление в начале рассказа в финале завершается убийством.

В произведениях Распутина носители православного взгляда — старики. Духовность народная, исконная, нередко — потаенная — выражена как раз не через церковную проповедь, а через художественное слово, русское и по форме, и по содержанию. Нам воспринять бы предупреждение Распутина, Белова, Шукшина. Но подобно тому, как в финале «Прощания с Матерой» реку и остров окутывает туман, душа массового читателя оказалась окутана туманом красивых слов и обещаний.

Еще в 1985 году В. Распутин признается: «Да, наша профессия требует мужества. Мужество писателя — это его духовный склад. И складывается оно из основных и живых понятий Родины во всей ее исторической судьбе, которые находят выражение в его работе. Мы — носители силы и боли России, слова ее и духа. Чтобы нести вложенное природой и отеческим благоволением, особого мужества не надо. Оно требуется, чтобы не хранить в себе правду и тревогу, а говорить о них честно и открыто»^{х1}.

Таким и предстал перед нами В. Г. Распутин —

честный, открытый, бескомпромиссный в отстаивании правды... Его выступление на I Съезде народных депутатов СССР, известное под названием «Вы навязали стране плюрализм нравственности», стало откровением. Жизнь все расставляет по своим местам: кто сегодня помнит поименно межрегиональную депутатскую группу? А в свое время она гремела и не сходила с уст немалой части населения нашей огромной страны. Пройдет еще 25 – 30 лет, и сотрутся из памяти народной яркие когда-то имена, еще вызывающие хоть какие-то ассоциации сегодня. А имя Валентина Григорьевича Распутина будет жить в памяти народной. Распутинское Слово будет жить, пока будет жив русский человек.

ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ СЛОВО

По словам В. Г. Распутина, «школьное образование сегодня – это служение, и служение тяжкое, до самоотвержения и креста»^{XII}. Сложность и специфика сегодняшней работы учителя-словесника, по моему взгляду, в угрозе разрушения «заповедной зоны» Русского слова. Одна из первых угроз – необоснованное насаждение иноязычных новообразований, введение новых языковых конструкций и искажение смыслов. В погоне за внешним эффектом все чаще в речи медийных личностей, тех, кто является образцом для подражания молодежи, проскакивают новые, «модные» словечки. При ближайшем рассмотрении – простая калька с иностранного. Гораздо опаснее приемы нейролингвистического программирования, хорошо известные по середине 80 – 90-х годов прошлого столетия. К чему это привело, хорошо известно.

Во второй половине XX века в США действовали так называемые советологические центры, основной задачей которых была выработка сценария

разрушения СССР. В одном из таких центров действовала группа нейролингвистов, изучавших психологические и физиологические реакции эмигрантов из СССР на слова «Родина», «Россия», «семья», «долг», «честь», «порядочность», «армия». На втором этапе моделировались выражения и сочетания слов, снижавших священный смысл дорогих сердцу человека понятий. Так – через уничтожение духовной составляющей языка – разрушалась система нравственных ценностей личности. Для того чтобы узнать смоделированные сочетания, достаточно полистать раннюю «демократическую» периодику первой половины 1990-х годов...

Другая угроза – агрессивное и одновременно безграмотное информационное пространство современного города и крупного поселка. Часто непонятно: ошибки в рекламе, названиях магазинов и предприятий – рекламный ход, банально невыученные в свое время уроки или демонстративное пренебрежение к окружающим – я выше, лучше, богаче, а значит – прав.

И новые технологии, и формы работы школьного учителя – не прихоть, а насущная потребность. Маленький пример. Благодарность в соцсетях выражается коротким «спс». Непосвященному сразу не понять, что подростки обсуждают не оппозиционную партию, а говорят старое русское «СПАСИБО», этимологически восходящее к «Спаси Бог». Сделал добро – в ответ «Спаси тебя Бог». Вроде небольшая замена, а последствия – отдаленные и страшные. Все время в обществе (и в относительно благополучные, и в кризисно-переломные времена) идет дискуссия о развитии языка, модернизации языковых норм. В этой работе надо не забыть о главном: новое – не всегда лучшее. Есть изменения и утраты, которые могут носить сакральный смысл.

В приведенном примере – постепенное, но верное отпадение от Бога, а значит, и от Родины, от России, от семьи.

Еще в 1987 году В. Г. Распутин написал статью «Вопросы, вопросы...», которую расширил через 20 лет, в 2007-м. В ней с удивительной прозорливостью он ответил на вопросы, среди которых один из центральных – быть или не быть языку. «Пока громыхают дискуссии о языке <...> народ говорит. И спасибо ему, что <...> он говорит, сохраняя свой великий и могучий, точный и меткий, глубокий и крепкий, не требующий пояснений к слову язык. Где еще, в каком другом языке из одной фразы может составиться целая история и целая поэма! *Только человек, потерявший родовую память*, способен уверять, что из рассветных и исторических глубин нации вышедшее слово должно в глубинах и оставаться и не претендовать на литературную правомочность»^{XIII}.

Еще одна проблема наших дней – катастрофическое падение интереса к классической литературе. Современное литературное образование, с одной стороны, пытается сохранить глубину и важность идеи русской классики, ее основные заветы, с другой – стремится к соответствию современным цифровым тенденциям. И где уж за внешней доступностью любого текста в пару-тройку кликов задумываться о глубинном его содержании. А тем более о том, что за всю столетнюю историю Советского государства так и не изданы без купюр «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, а кроме узкого круга специалистов, мало кто знает (не то чтобы читал!) «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина. Эта работа доступна только в полном собрании сочинений писателя, а его имеет далеко не каждая даже городская школьная библиотека.

Не читающий учитель-словесник – уже не учитель. А между тем неожиданной проблемой стала доступность филологических изданий. Подписка на профессиональные журналы и газеты может нанести ощутимый удар по бюджету любого учителя. Только выписать на год «Русский язык в школе» – 6312 рублей (полгода 3156 рублей), «Литературу в школе» – 8456 рублей (полгода 4417 рублей). А еще специальные серии издательского дома «Первое сентября», а еще периодика как районная, так и краевая...

Что же делать молодому специалисту, у которого от двух до четырех разных классов (следовательно, подготовка вдвое больше)? Сколько методичек, сборников диктантов и прочего надо приобрести? Назрел серьезный разговор об оплате труда учителей-филологов как в части стимулирующих выплат за проверку тетрадей (нет такого объема ни у кого из школьных предметников), так и за напряженность труда (пожалуй, математики и филологи 100-процентное количество выпускников выводят на обязательный ЕГЭ).

При запредельных нагрузках словесников, когда головы некогда поднять, уже не до протестов против искажения в школьной программе облика и, главное, – высоты нравственного звучания русской литературы. Позволю довольно большую цитату из Распутина, ибо лучше и не скажешь. Время проходит, но точность в определениях и диагнозах удивительная: «Стандарты по литературе все больше и больше теснят Пушкина, Тютчева, Фета, Некрасова, Блока, Есенина. Подмены, подмены, подмены... И вот уже в школьных программах напротив одного ряда другой, несовместимый с первым и приготовленный для его замещения: напротив Пушкина свой Пушкин, к примеру, Бродский, напротив

Есенина – Высоцкий, напротив Достоевского – к примеру, Сорокин, напротив Толстого с “Войной и миром” свой Толстой – к примеру, Войнович с “Чонкиным”, напротив Белинского – Ерофеев... Я говорю “к примеру”, потому что имена второго ряда могут меняться, но ни в коем случае не меняется сама его духовная составляющая.

Фигуры эти, разумеется, могут быть в литературном процессе, и они там есть, но зачем же их включать в рацион материнского молока, ибо школьное образование и есть материнское молоко, продолжающее необходимое кормление с пеленок, и если оно не отвечает этому назначению и этому составу, если оно превращено в молоко хищной волчицы – так чего же тогда и ждать?!»^{XIV}.

Обо всех этих проблемах говорил В. Г. Распутин прямо и невзирая на лица, с любых трибун.

Размышляя о природе художественного образа и роли русского языка в его создании, писатель справедливо заметит, что вынесенный из деревни язык, конечно, нуждался в обогащении... Но в обогащении, а не замене. «Я и не подозревал, каким владел богатством, заталкивая его поглубже... И даже когда начал писать – начал вычурно, неестественно. Выручила опять бабушка, моя незабвенная Марья Герасимовна. Когда я задумал рассказ о ней, тот самый, где она Василиса, эта самая Василиса решительно отказалась говорить на чужом языке.

Получив свое слово, Василиса сразу заговорила легко и заставила освободиться от книжной оригинальности и автора»^{XV}.

Вот так просто и доступно великий мыслитель рассуждает о сложнейших аспектах писательского труда, иллюстрируя положения работ М. М. Бахтина о взаимоотношениях автора и героя. Что греха таить, многие именитые литературоведы цитируют

М. М. Бахтина механически, часто не к месту, часто – в пустоту. У Распутина все на уровне чувства, генетического понимания. Его герои живут самостоятельной от автора, но неотделимой от общей судьбы народа жизнью.

В. Г. Распутин откровенно рассказывает о том, что именно писательский труд, занятие литературой по-настоящему открыли ему глубины родного языка и позволили преодолеть стеснение от деревенского произношения (как и В. М. Шукшину, стеснявшемуся на первых порах своего деревенского говорка), открыть для себя неисчерпаемые глубины народной речи. Валентин Григорьевич признается, что «отказ от собственной цивилизации и вековых национальных ценностей предвещал для России неизбежные потрясения, но что они будут такими, какие случились, мы боялись додумать. А следовало. Человек, в нравственном и духовном понятиях теряющий свою теплокровность, опасен». А теплокровность эта, по Распутину, состоит в равнодушии, укреплении родственных связей, преодолении отчужденности людей друг от друга и сохранении русского языка.

Внимание к родной речи – основа творчества русского писателя. В. Г. Распутин особое внимание привлекал к тому, что «Пушкин и сам записывал песни и сказы, и подвигал к этому занятию своих друзей литераторов. Без него не было бы бесценного собрания народных песен П. В. Киреевского, положившего начало богатейшей песенной библиотеке в записях П. В. Шейна, П. Н. Рыбникова, А. И. Соболевского и других, без него Гоголь не освоил бы столь виртуозно самую музыку русского языка, не дружи с Пушкиным В. И. Даль – как знать, решил бы он на свой гераклов подвиг и смог ли бы собрать столь щедрый урожай, сам-сто

или даже сам-двести, с живого великорусского языка в своем бессмертном «Толковом словаре»!»^{xvii}.

Отдавая дань уважения народной речи и народному творчеству как источникам и хранителям литературного языка, В. Г. Распутин видел и надвигающиеся тенденции нового, цифрового общества, в котором мало места для фольклора. И хотя в 1983 году еще неявно прослеживались контуры «Всемирной паутины», писатель очень точно уловил, что уже умирает фольклор, оставляя о себе воспоминания лишь в записях: «Ушла в прошлое былина; похоже, мы свидетели последнего поколения, допевающего (не по радио) народную песню и досказывающего устную сказку. Мы вступили в новую эру массовой поэзии, веселья и утех.

Прощаясь с фольклором, мы низко кланяемся ему за все доброе и светлое, что он принес издалека и поселил в наших душах. Читая теперь как воспоминание фольклорные записи, трудно удержаться и не воскликнуть с неистребимой надеждой: «Какое же все-таки это удивительное богатство — сказка в русском языке и русский язык в сказке!»^{xviii} ■

Окончание следует

ⁱДостоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 12 томах. М.: Правда, 1982, т. VII, с. 237.

ⁱⁱРаспутин В. Г. Деньги для Марии // Распутин В. Г. Живи и помни. М.: Голос, 1993 с. 79.

ⁱⁱⁱРаспутин В. Г. Последний срок // Распутин В. Г. Живи и помни. М.: Голос, 1993 с. 248.

^{iv}Распутин В. Г. Ближний свет издалека // Распутин В. Г. У нас остается Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / Сост. Т. И. Маршковой, предисловие В. Я. Курбатова/ Отв. Редактор О.А.Платонов. М.: Институт русской цивилизации. 2015. с. 50 (Далее ссылка на это издание, кроме специально оговоренных случаев. – Д.К.)

^vТам же, с. 54.

^{vi}Там же, с. 53.

^{vii}Там же, с. 50.

^{viii}Там же, с. 54.

^{ix}Дунаев М. М. Указанное издание. С. 931.

^xШафаревич И.Р. Духовные основы Российского кризиса XX века. На основе лекций, прочитанных в Сретенском духовном училище. М.: Молодая гвардия. 2001. С. 12.

^{xi}Распутин В. Г. Время и бремя тревог. Выступление на IV съезде Союза Писателей РСФСР (1985)// Распутин В. Г. Что в слове и за словом? Очерки, интервью, рецензии. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1987. с. 190

^{xii}Распутин В. Г. Ученье: свет и тьма // Указанное издание. С. 718.

^{xiii}Распутин В. Г. Вопросы, вопросы... // Указанное издание. С. 174.

^{xiv}Распутин В. Г. Ученье: свет и тьма // Распутин В. Г. Указанное издание. С. 712–713.

^{xv}Там же, с. 139–140.

^{xvi}Там же, с. 144.

^{xvii}Распутин В. Г. Русь сибирская, сторона Байкальская. Предисловие к : Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири. В 20 т. / научная редакция Ф. П. Сороколетов. Иркутск, 2007 // Указанное издание. С. 411.

^{xviii}Распутин В. Г. В некотором царстве, в некотором государстве // Распутин В. Г. Предисловие // Русские сказки Забайкалья. Иркутск.: Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1983. С. 8.